П. А. ПРОКОШЕВЪ.
Профессоръ Императорскаго Томскаго Университета

РЕЛИГІОЗНЫЙ КРИЗИСЪ

НА

ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

(МОДЕРНИЗМЪ)

ТОМСКЪ
ЦАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ Н. И. ОРЛОВОЙ
1911

П. А ПРОКОШЕВЪ
Профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Томскаго Университета

РЕЛИГІОЗНЫЙ КРИЗИСЪ

НА

ЗАПАДѢ ЕВРОПЫ.

(МОДЕРНИЗМЪ)

ТОМСКЪ
ПАРОВАЯ ТИПОГРАФІЯ Н. И. ОРЛОВОЙ.
1911

Печатано по опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго Томскаго Университета.

Ректоръ Ноябрь Проф. Крюгеръ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
102
31

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Императорскаго Томскаго Университета.

Религіозный кризисъ на Западѣ Европы.

(Модернизмъ).[1]

Мм. Гг.

Уже давно—еще съ конца XIX-го и особенно съ начала XX-го столѣтія на горизонтѣ религіозной жизни Запада стали собираться черныя тучи... Надо было ждать грозы... И гроза, дѣйствительно, разразилась во второй половинѣ 1907 года: по всему континенту Западной Европы отъ края до края прокатились оглушительные раскаты грома папскихъ проклятій. Это—Пій X, новый намѣстникъ Христа на землѣ, еще такъ недавно одѣвшій на свою голову трехъярусную папскую тіару, сначала въ силлабусѣ (4 іюля), а потомъ въ энцикликѣ „Pascendi dominici gregis" (8 сент.)[2] предавалъ проклятію современную науку, считая ее антихристіанскою по существу, предавалъ осужденію самую научную любознательность, самую свободу научнаго изслѣдованія, стремленіе къ научнымъ открытіямъ, выводамъ и обобщеніямъ, исканіе новыхъ формъ жизни—словомъ, то—что составляетъ самую душу современной науки. По выраженію Вармунда, своимъ силлабусомъ и энцикликой папа хотѣлъ бы заставить каждаго вѣрующаго „признавать бѣлое чер-

---

[1]) Публичная лекція, читанная въ Общественномъ Собраніи 20-го Ноября 1910 года въ пользу Общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ Императорскаго Томскаго Университета.

[2]) Тексты папскаго силлабуса—см. Archiv fur katholsch Kirchenrecht B. 87. H. IV. s 715—720 и въ Deutsche Zeitschrift fur Kirchenrecht. B 17 H. III. s 458—464. Текстъ папской энциклики „Pascendi"—Archiv... B 88. H. I. s. 98—145; и Zeitschrift. B 18. H I. s 95 112. Въ виду обилія корректурныхъ погрѣшностей необходимо сличеніе того и другого текста.

нымъ, горячее (Feuer) холоднымъ; хотѣлъ бы одѣть кандалы не только на тѣло, но и на душу“[3]).

Когда раскаты этого грома достигли предѣловъ русскаго государства, изумленный князь Г. Н. Трубецкой обратился съ вопросомъ къ проф. Краковскаго университета Здзѣховскому—что это значитъ? Трудно было опредѣлить: „крикъ ли это побѣды, набатъ ли тревоги, стонъ ли безсилія“. Ясно было—и не только для Трубецкого и для людей, искушенныхъ въ вопросахъ религіозной жизни Запада,—ясно было для каждаго, что случилось что-то чрезвычайное, особенное, что нарушило покой Ватиканскаго узника. Такое же грозное явленіе имѣло мѣсто на Западѣ въ 1864 г. при Піѣ IX. И тогда Пій IX обрушился громами и молніями противъ всего культурнаго Запада. Но тогда были серьезныя причины на это. Тогда папа Пій IX, получившій отъ своихъ предшественниковъ громадное наслѣдство, былъ обобранъ въ этомъ наслѣдствѣ—терялъ цѣлую половину его, именно политическую власть надъ Италіей. Вольныя дружины Гарибальди и войска Виктора Эммануила заняли Римъ, столицу папы—короля: и такимъ образомъ, подъ бой барабановъ, подъ звуки національнаго гимна объединенной Италіи окончательно рухнуло политическое могущество папы. Значитъ, тогда существовали серьезныя причины для грознаго выступленія Пія IX.

Чѣмъ же объяснить не менѣе грозное выступленіе нынѣшняго папы Пія X? Выступленіе его еще болѣе вырастетъ въ нашихъ глазахъ въ своемъ грозномъ значеніи, если мы обратимъ вниманіе на индивидуаль-

[3]) Новымъ законодательнымъ актомъ „Motu proprio“ отъ 18 Ноября 1907 г. папа снова подтвердилъ силлабусъ и энциклику, угрожая, силою своего апостольскаго авторитета, отлученіемъ нарушителямъ ихъ.

Мнѣніе Dr Spahn'a, высказанное въ засѣданіи рейхстага 11 Декабря 1907 г., о томъ—будто силлабусъ Пія X касается „не науки, какъ таковой“. а только богословія,—справедливо опровергается Вармундомъ ссылкою на 5, 7 и 8 тезисы папскаго силлабуса, гдѣ говорится (только въ отрицательной формѣ), что церкви принадлежитъ право произносить приговоръ о всякомъ научномъ изслѣдованіи (ad Ecclesiam pertinet judicium ferre de assertionibus disciplinarum humanarum—5 п), что она можетъ требовать отъ всѣхъ вѣрующихъ внутренняго согласія (internum assensum) съ произносимыми ею приговорами (7 п) и что подлежатъ осужденію тѣ, которые отвергаютъ постановленія священной конгрегаціи индекса и иныхъ священныхъ римскихъ конгрегацій (8 п) Совершенно резонно указываетъ Вармундъ и на то, что конгрегаціи индекса и инквизиціи простираютъ свою запретительную и карательную дѣятельность на всю вообще науку и что въ церковный проскрипціонный списокъ попадаютъ лучшія произведенія по всѣмъ отраслямъ науки. L. Wahrmund. Katholische Weltanschauung und freie Wissenschaft Munchen 1908. s 36

ныя качества Пія X. Предъ нами не Левъ XIII съ желѣзной волей, непреклоннымъ характеромъ, съ могучимъ умомъ, съ тонкимъ дипломатическимъ тактомъ; не гордый аристократъ, изнѣженный роскошью и привыкшій властвовать... Пій X не блещетъ ни умомъ, ни твердымъ характеромъ, ни знатностью происхожденія. Онъ поднялся на вершину земного благополучія изъ самыхъ низинъ народной массы: въ его лицѣ мы видимъ отпрыскъ бѣднаго, смиреннаго крестьянина, врага роскоши и пышности, друга бѣдноты и нищеты, готоваго отдать ей все до послѣдняго горшка щей съ раскаленной плиты своей сестры; человѣка, посвятившаго всю свою жизнь непосредственному пастырскому служенію, начиная съ прихода и кончая патріаршимъ престоломъ въ Венеціи; наконецъ, въ лицѣ Пія X мы видимъ папу, заявившаго въ своихъ первыхъ энцикликахъ о томъ, что онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ любви и кротости и прозваннаго общественнымъ мнѣніемъ „религіознымъ папою“—въ противоположность Льву XIII, дипломату и философу. И если этотъ кроткій, „религіозный“ папа, чуждый воинственнаго духа, выступилъ съ угрозами и прещеніями,—значитъ, дѣйствительно, случилось что-то особенное. Да, случилось! Наступилъ моментъ не менѣе роковой и грозный, чѣмъ и при Піѣ IX,—теперь уже и для второй половины доставшагося папамъ средневѣковаго наслѣдства—для ихъ власти религіозной. Наступилъ, повидимому, финалъ той тысячелѣтней трагедіи, которую, по словамъ Де-Скроховскаго, „создала гордыня человѣческая въ лицѣ папы—мнимаго намѣстника Величайшаго Смиренника—Христа“. Наступилъ кризисъ въ религіозной жизни Запада. Этотъ роковой для папства моментъ, этотъ кризисъ вызванъ новымъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „модернизма“—движеніемъ, посягнувшимъ на руководящую роль папы въ области религіозной. Это движеніе могучимъ потокомъ распространилось въ наши дни по всему Западу. Волны этого движенія захлестнули не только территоріи Западно-европейскихъ государствъ, но перекатились по Атлантическому океану и на территорію великой Сѣверо-Американской республики.

Модернизмъ существенно отличается отъ всѣхъ предшествующихъ религіозныхъ движеній, когда либо имѣвшихъ мѣсто въ нѣдрахъ католической церкви. Наиболѣе могучими и серьезными по своимъ послѣдствіямъ изъ прежде бывшихъ религіозныхъ движеній слѣдуетъ признать (кромѣ протестантизма)—старокатолицизмъ и въ наши дни—маріавитство.

Модернизмъ имѣетъ нѣкоторое родство съ ними по источному началу и по направленію, въ особенности со старокатолицизмомъ. Недаромъ на послѣднемъ старокатолическомъ интернаціональномъ конгрессѣ поднятъ былъ вопросъ о соединеніи старокатоликовъ съ модернистами. Соединеніе не могло состояться не по различію въ существѣ основныхъ воззрѣній, а по различію тактическихъ пріемовъ, по различію въ принципахъ практической дѣятельности тѣхъ и другихъ. Въ то время какъ старокатолики руководились принципомъ „Los von Rom“ (прочь отъ Рима!), модернисты стояли за соединеніе съ Римомъ. „Нужно взять паролемъ, говорили они, не отдѣленіе отъ великаго цѣлаго, а возвращеніе къ великому цѣлому. Выходъ изъ матери—церкви совершенно ослабилъ бы значеніе нашей дѣятельности“. Такимъ образомъ, модернисты, въ противоположность старокатоликамъ (а равно и маріавитамъ), отдѣлившимся отъ Рима и образовавшимъ самостоятельныя религіозныя общины,— совершенно чужды сепаратистскихъ стремленій: они не хотятъ выйти изъ церкви. „Ни одинъ модернистъ, говоритъ Тирель, не можетъ быть отдѣленъ отъ католицизма никакимъ актомъ юридическаго насилія, жертвой котораго онъ могъ бы стать. Его вѣра не есть нѣчто такое, что въ одинъ моментъ можетъ быть уничтожено по слову разгнѣваннаго епископа“. Оставаясь въ лонѣ католической церкви, модернисты ставятъ цѣлію своей жизни распространить свои воззрѣнія между вѣрующими католиками, сдѣлать ихъ выраженіемъ обще-религіознаго сознанія и сообразно съ ними реформировать церковь. Модернисты хотятъ спасти корабль католической церкви, чтобы онъ не разбился о скалы и потому громко кричатъ о необходимости освободить его отъ стѣснительной, грузной поклажи философскихъ и богословскихъ традицій средневѣковой схоластики, но не хотятъ выйти изъ этого корабля. Въ этомъ главное различіе между модернизмомъ и старокатолизмомъ (а равно и маріавитствомъ). [1])

---

[1]) Эту характерную черту модернизма отмѣчаетъ папа и въ своей энцикликѣ и по этой именно причинѣ считаетъ его особенно печальнымъ и опаснымъ для церкви явленіемъ. Qua in re ut moram ne interponamus illud in primis exigit, quod fautores errorum jam non inter apertos hostes quaerendi sunt modo, verum, quod dolendum maxime verendumque est, in ipso latent sinu gremioque Ecclesiae, eo sane nocentiores, quo minus perspicui. См Archiv f KK. s 99; ср Zeitschrift f KK s. 96. Въ другомъ мѣстѣ папа пишетъ: tum quia necesse illis est intra Ecclesiae septa manere, *ut collectivam conscientiam sensim immutent* Archiv. s. 121 Zeitschrift .. s. 117.

Второе различие въ томъ, что модернизмъ — движеніе всенародное. Оно захватило всѣ классы общества: богатый и бѣдный, ученый и простецъ, старый и молодой, аристократъ и пролетарій, клирикъ и мірянинъ, мужчины и женщины — всѣхъ захватила волна этого движенія. Во имя и въ интересахъ его составляются митинги ученыхъ профессоровъ (напр. въ Вѣнѣ). Имъ волнуется студенческая молодежь, выступающая съ сочувственными демонстраціями по адресу профессоровъ, на которыхъ обрушился за причастность къ модернизму гнѣвъ Намѣстника Христа. Во имя его устраиваются собранія, читаются лекціи и рефераты и т. д. Насколько широко и глубоко это движеніе охватило государства Западной Европы, лучше всего свидѣтельствуетъ характеристика модерниста, данная Фогаццаро въ рефератѣ, читанномъ въ Парижѣ 18 Января 1907 г. На вопросъ, что такое современный религіозный модернистъ, Фогаццаро отвѣчаетъ: „онъ принадлежитъ міру реальности. Его настоящее имя — легіонъ. Онъ живетъ, мыслитъ и работаетъ во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Америкѣ. Одѣтъ онъ въ рясу, или форму или партикулярное платье; показывается въ Университетахъ, скрывается въ семинаріяхъ, борется въ печати, молится въ тѣни монастырей, почти не проповѣдуетъ больше, но читаетъ рефераты. Онъ экзегетъ, историкъ, богословъ и ученый, журналистъ и поэтъ. Не всегда писатель, иногда только увлекающійся читатель, только вѣрующій и мыслитель; республиканецъ, монархистъ, христіанскій демократъ, просто либералъ. Наконецъ, онъ все то, чѣмъ честный католикъ можетъ быть; онъ не модернистъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, но современенъ. Онъ болѣе современенъ, чѣмъ кто либо, потомучто почти не старѣетъ и никогда не умираетъ, что даетъ ему возможность быть католикомъ сегодня и завтра, углубляя въ то же время свои корни въ прошломъ. Онъ считаетъ себя силой, что равняется быть ею; онъ считаетъ себя жизненной энергіей въ лонѣ римской церкви — того колоссальнаго организма, о которомъ говорятъ въ свѣтѣ, что его артеріи закостенѣли отъ старости, что онъ потерялъ способность приноравливаться къ средѣ... Онъ убѣжденъ, что будущее готовитъ церкви необычайное обновленіе и что онъ призванъ содѣйствовать этому болѣе или менѣе обильнымъ сообщеніемъ жизненныхъ силъ“. Эта характеристика доказываетъ, что модернизмъ есть, дѣйствительно, могучій потокъ, захватившій всѣ государства Зап. Европы и въ каждомъ государствѣ — всѣ классы населенія: и духовенство, и монастыри, и свѣтское общество.

Если бы живую воду этого могучаго потока мы подвергли химическому анализу, еслы бы мы разложили ее на основные элементы, то въ конечномъ результатѣ получили бы слѣдующее: 1) мы найдемъ въ модернизмѣ струю филосовской мысли Канта и Шлейермахера, поскольку они проводили строгое разграниченіе двухъ областей знанія: религіозной-практической и научной-теоретической; 2) найдемъ сильную струю новокантіанства, въ воззрѣніяхъ его лучшихъ представителей Рудольфа Лотце и Альбрехта Лянге, учившихъ—что религіозный міръ возникаетъ въ человѣкѣ изъ присущей его духу неотвратимой потребности возвыситься надъ окружающей печальной дѣйствительностію, дабы создавъ идеалъ, образъ истинно гармоническаго состоянія, человѣкъ могъ найти для себя утѣшеніе въ разнаго рода постигающихъ его несчастіяхъ; что въ религіозной области личное благочестіе должно имѣть предпочтеніе предъ догматико-умозрительными положеніями: 3) найдемъ тамъ еще болѣе сильную струю ричлианства, сводящаго сущность религіи къ такъ называемымъ, Werturtheilen—къ сужденіямъ цѣнности, къ практической сторонѣ человѣческаго духа и полагающаго основаніе христіанства въ чувствѣ духовной свободы человѣка и въ чувствѣ нравственномъ, которое, опредѣляя нравственное поведеніе человѣка, дѣлаетъ его членомъ Царства Божія; 4) найдемъ тамъ струю ученія Ньюмана, англійскаго мыслителя, видѣвшаго въ религіи одну изъ формъ обнаруженія абсолютнаго и потому открыто защищавшаго эволюцію догмата; 5) струю американизма, ведущаго свое начало отъ Американскаго ученаго Оомы Геккера,—вдохновеннаго апостола обновленнаго католицизма въ Америкѣ и основателя въ Нью-Іоркѣ ордена „павлистовъ“ — горячо ратовавшаго противъ католическаго богословскаго догматизма и формализма во имя религіознаго субъективизма, за свободу религіозной совѣсти; 6)—протестантскаго раціонализма, воюющаго за права индивидуальнаго разума противъ основого принципа схоластической догматики—рабскаго подчиненія разума церковному авторитету папы и допускающаго свободу критическаго изслѣдованія священнаго текста—выдающійся представитель его, послѣдователь Ричліанской школы, Берлинскій профессоръ Гарнакъ; 7) найдемъ, далѣе, сильнѣйшую струю христіанской демократіи, текущую главнымъ образомъ изъ Бельгіи и Франціи, наконецъ, 8) въ модернизмѣ мы найдемъ особенно могучую струю того научнаго движенія, начавшагося во Франціи съ 1831 года и стремившагося къ все-

стороннему духовному возрожденію католицизма, представителями котораго были аббатъ Шатель, Ламнэ, Гербертъ, Лакордеръ и Монталембертъ, а органомъ его основанный ими журналъ „L'avenir"—подъ девизомъ „Богъ и свобода". Это движеніе, собственно говоря, и послужило ближайшимъ источнымъ началомъ для современнаго модернизма во Франціи, во главѣ котораго всталъ знаменитый аббатъ Альфредъ Луази со своими учениками—Блонделемъ, Леруа, Лабертоньеромъ и др.

И такъ, въ современномъ модернизмѣ слились въ одинъ широкій и могучій потокъ всѣ предшествующія теченія прогрессивной религіозной мысли Запада.

Чѣмъ вызвано это движеніе? Что хотятъ смыть струи этого могучаго потока? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служила бы вся исторія папства. Но ни ограниченность времени, ни узкія рамки лекціи не позволяютъ намъ излагать исторіи папства. Для нашихъ цѣлей достаточно будетъ только констатировать тотъ фактъ, что папы сумѣли учесть въ интересахъ своей власти религіозной и политической —и благопріятствовавшія имъ идеи христіанской литературы, и благопріятно складывавшіяся историческія событія, а тамъ, гдѣ не доставало подлинныхъ документовъ для упроченія ихъ власти, они умѣло пользовались подложными юридическими актами.

Очень рано, уже въ первые вѣка христіанства въ христіанской литературѣ стали развиваться идеи, благопріятствовавшія развитію папскаго могущества—особенно въ твореніяхъ отцевъ и учителей африканской церкви: Тертулліана, Кипріана и Августина. Страстный и чувственный Тертулліанъ, уроженецъ жгучей Африки, съ пылкимъ темпераментомъ, съ сильнымъ воображеніемъ, человѣкъ крайностей—неспособный держаться въ состояніи душевнаго равновѣсія—особенно сильно чувствовалъ необходимость сковать человѣческую волю цѣпью желѣзной дисциплины, связать ее какой нибудь внѣшней уздой, авторитетомъ сильной власти. Сознаніе этой необходимости онъ внесъ и въ свое христіанское міровоззрѣніе. Всѣ отношенія человѣка къ Богу и Бога къ человѣку онъ представлялъ себѣ не иначе, какъ въ формѣ юридическихъ—частноправовыхъ отношеній. Даже внутреннія влеченія человѣческой души мыслились имъ, какъ внѣшнія правовыя требованія, а всѣ сверхъестественныя обѣтованія, какъ обезпеченныя договоромъ награды. Все содержаніе христіанской религіи онъ представлялъ себѣ въ формѣ

внѣшнихъ законовъ, требующихъ отъ человѣка безусловнаго подчиненія ума и воли, на стражѣ которыхъ стоитъ епископская власть. Въ той же плоскости стоитъ и міровоззрѣніе Кипріана, ученика и преемника Тертулліана, считавшаго церковь единой божественной организаціей, внѣ которой нѣтъ спасенія, а духовную власть епископа органомъ божественнаго правосудія на землѣ. Не чувствуется ли уже здѣсь зародышъ того теократическаго идеала, который въ средніе вѣка опредѣлилъ собою весь строй жизни католическаго Запада!?!...

Блаженный Августинъ пошелъ по этому пути еще дальше. Его произведеніе „de civitate Dei“ справедливо называютъ „надгробнымъ словомъ древнему міру и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ возвѣщеніемъ міра новаго—средневѣковаго“. Терзаемый сознаніемъ превозмогающей силы зла въ извращенной человѣческой природѣ, Августинъ задается вопросомъ, ставшимъ для него патологическимъ,—о томъ, какъ спастись человѣку?

И этотъ вопросъ получаетъ для него характеръ соціальный и космическій, такъ какъ за вопросомъ о спасеніи отдѣльной личности съ логическою необходимостью слѣдовалъ вопросъ о спасеніи человѣческаго общества и цѣлой вселенной. Гдѣ найти спасающее начало, разъ не возможно спастись собственными силами? Объективное спасающее начало Августинъ видитъ въ божественной благодати, а объективный благодатный порядокъ, при которомъ возможно спасеніе,—въ церкви, какъ носительницѣ этой всесильной благодати. Откажись отъ своей свободы и всѣмъ своимъ существомъ отдайся этой божественной благодати, исчезни въ объективномъ благодатномъ порядкѣ и безусловно подчинись авторитету вселенской церкви, какъ бы такъ говорилъ блаж. Августинъ.—и тогда ты будешь спасенъ! Вѣра въ авторитетъ вселенской церкви—по мнѣнію Августина—единственный путь для спасенія отдѣльнаго индивида, человѣческаго общества и всей вселенной.

Историческія событія, съ которыми совпала творческая дѣятельность Августина, еще болѣе укрѣпляли его въ правотѣ его религіозно философскихъ воззрѣній. Это—распаденіе Римской имперіи послѣ Ѳеодосія, и взятіе и разрушеніе Рима Аларихомъ. Погибло римское государственное единство,—unitas Romana,—а теперь гибнетъ въ пламени и самый Римъ. Эти совершающіеся на глазахъ Августина факты будили въ немъ жгучее сознаніе необходимости иного—нерушимаго, вѣчнаго

единства—единства церковнаго, unitas ecclesiae И вотъ, въ тотъ моментъ, когда еще дымились развалины древняго Рима, когда до слуха еще доносились раздирающіе душу стоны и вопли раненыхъ. когда особенно сильно чувствовалась потребность противопоставить внѣшнему врагу, вносящему всюду разрушеніе и смерть, что-нибудь сильное своимъ внутреннимъ единствомъ, своею внутреннею мощью,—въ этотъ моментъ закладываются блаженнымъ Августиномъ идеальныя основы новаго вѣчнаго Рима „Града Божьяго". Среди потрясающей картины всеобщаго разрушенія, стенанія и ужаса, Августинъ отрываетъ взоръ своихъ современниковъ, искавшихъ спасенія, отъ земного града—отъ гибнущаго въ огнѣ Рима и возводитъ его къ граду небесному—церкви. Смотрите сюда, какъ бы такъ взываетъ онъ,—только здѣсь—въ этомъ величественномъ градѣ Божіемъ, въ этой универсальной церкви вы обрящете спасеніе Какъ бы ни бушевали волны мятущагося моря житейскаго, онѣ не сокрушатъ этого града, ибо онъ стоитъ на незыблемомъ божественномъ фундаментѣ. Церковь есть воплощеніе универсальнаго единства и универсальнаго порядка; внѣ церкви нѣтъ истиннаго праваго порядка, и потому только она—въ истинномъ смыслѣ слова respublica. Земныя царства могутъ существовать постольку, поскольку они уходятъ въ церковь, осуществляютъ ея задачи и исполняютъ ея волю. Церкви принадлежитъ безграничное право безграничнаго принужденія противъ всѣхъ, кто находится внѣ ея. Отсюда—оправданіе всякаго рода насилія—выражается ли оно въ формѣ преслѣдованія еретиковъ или въ формѣ войнъ противъ невѣрныхъ. Представителемъ церковнаго единства является Ап. Петръ и его преемники—римскіе первосвященники.

Вотъ идейныя основы средневѣковаго папскаго могущества. „Градъ Божій"—это тотъ идеальный планъ, та программа, къ осуществленію которой стремится послѣдующее папство.

Вмѣстѣ съ этими идеями папы использовали въ интересахъ своей власти и политическія событія. Папы не только сумѣли подчеркнуть удѣльный вѣсъ такихъ событій, какъ спасеніе Рима Иннокентіемъ I при нашествіи вестъ-готовъ и Львомъ Великимъ при нашествіи гунновъ, которыя сами собою намѣчали ихъ громадную политическую роль въ судьбѣ Италіи и всей Западной половины имперіи, но даже сумѣли использовать въ своихъ интересахъ политику византійскихъ импера-

торовъ въ Италіи—крайне раззорительную финансовую и крайне жестокую религіозную, дабы углубить пропасть между населеніемъ Италіи и византійскими деспотами, дабы заставить населеніе Италіи смотрѣть на нихъ, какъ на единственныхъ защитниковъ при политическихъ невзгодахъ, какъ на мужественныхъ борцовъ за религіозную идею, дабы сконцентрировать все населеніе Италіи около папы, какъ около духовнаго и политическаго вождя. Послѣ нашествія Лангобардовъ папы не пошли тѣмъ естественнымъ путемъ, на который толкала ихъ логика событій и даже національный интересъ Италіи—путемъ содѣйствія образованію изъ Италіи крѣпкаго политическаго организма подъ властью Лангобардскаго короля, такъ какъ это вело къ уничтоженію ихъ политическаго значенія. Они пошли другимъ—выгоднымъ для нихъ путемъ—путемъ сближенія съ франкскими королями и послѣ формальнаго союза съ Пипиномъ Короткимъ получаютъ въ свое обладаніе Раввенскій экзархатъ и Пентаполисъ.

Къ указаннымъ нами идеямъ христіанской литературы и историческимъ событіямъ, благопріятствовавшимъ росту папской власти, папы присоединили тамъ, гдѣ это было нужно, подложные юридическіе документы. Такъ, сознавая, что даръ Пипина Короткаго не создаетъ для нихъ прочнаго юридическаго отношенія, такъ какъ право собственности на подаренныя земли принадлежало византійскому императору, папы прибѣгаютъ къ подложному юридическому акту—даренію Константина Великаго папѣ Сильвестру, стараясь этимъ доказать, что Пипинъ Короткій только возвратилъ папѣ то, что давнымъ давно на законномъ основаніи принадлежало ему. Когда, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, носителя идеи мірового единства, основанная имъ монархія распалась на мелкія феодальныя государства и когда наступилъ благопріятный моментъ, чтобы на развалинахъ свѣтской монархіи создать новую—духовную монархію съ римскимъ епископомъ во главѣ, какъ съ centrum unitatis, и такимъ образомъ дать практическое осуществленіе идеямъ блаженнаго Августина, а подлинныхъ документовъ для такой грандіозной постройки не доставало, папы прибѣгли къ подложнымъ документамъ—Лжеисидоровымъ декреталамъ (около $^1/_2$ IX в.), въ которыхъ дано юридическое оправданіе гордымъ идеаламъ папства.

Вотъ, мм. гг., та почва, на которой выросло средневѣковое папство. Въ XII и XIII в., при Григоріѣ VII, Иннокентіѣ III и Бони-

фаціѣ VIII, папская власть политическая и религіозная достигла своего кульминаціоннаго пункта: папы не только господствовали надъ религіозною совѣстью средневѣковаго человѣчества, они распоряжались и коронами западно-европейскихъ государствъ, они распоряжались имуществомъ, свободою и жизнію цѣлыхъ народовъ.

Чтобы упрочить свое господство на всѣ послѣдующія времена, папы рѣшили воплотить средневѣковыя идеи о своемъ всевластіи въ стройную религіозно-философскую систему и навязать ее послѣдующимъ поколѣніямъ, какъ своего рода символъ вѣры, какъ неизмѣнное „credo". Является схоластика.

Сущность ея, какъ религіозной философіи, заключается въ примѣненіи выработанныхъ спекулятивнымъ мышленіемъ категорій и понятій, методовъ и пріемовъ къ уясненію, обоснованію и систематизаціи установленныхъ церковію положеній и догматовъ. Задача схоластики —сочетать религію и философію, зданіе вѣры поставить на философскій фундаментъ.—Въ этомъ процессѣ сочетанія богословія съ философіей, послѣдняя, по воззрѣніямъ средневѣковыхъ схоластиковъ, должна была занять подчиненное положеніе: на нее посмотрѣли, какъ на служанку богословія (ancilla theologiae), которая обязана дать богословію научную форму, обязана помочь христіанскимъ истинамъ стать предметомъ спекулятивнаго разумѣнія, насколько это возможно. „Философія находитъ для себя оправданіе, говоритъ Ѳома Аквинатъ, только въ томъ случаѣ, если она беретъ откровеніе за исходную точку и снова возвращается къ нему, какъ къ своей конечной цѣли; только тогда она на истинномъ пути, когда выступаетъ въ качествѣ служительницы церкви". Методъ схоластики—силлогизмъ, заимствованный у Аристотеля. Взявъ за точку отправленія какое-нибудь положеніе, какъ аксіому—чаще всего изъ откровенія—схоластикъ дедуктивнымъ путемъ строилъ цѣлую систему, наблюдая при этомъ, чтобы его выводы были согласны съ христіанскимъ ученіемъ. Самый сильный аргументъ—ссылка на авторитетъ: каждое мнѣніе только тогда пріобрѣтаетъ убѣдительную силу, когда оно опирается на какой-нибудь признанный авторитетъ (на откровеніе, отцевъ церкви, древнихъ философовъ и т. п). Вотъ характеристическія черты средневѣковой схоластики.

Первое мѣсто между средневѣковыми схоластиками, безспорно, занимаетъ Ѳома Аквинатъ. Его могучему уму въ XIII в. какъ нельзя лучше

удалось соединить въ глубокомъ синтезѣ начала философіи Аристотеля съ началами христіанства и такимъ образомъ, научно обосновать и закрѣпить на послѣдующія времена идею порядка, господствовавшую въ средневѣковомъ строѣ и міровоззрѣніи. Вѣра и авторитетъ папы — вотъ алфа и омега его системы. Никакого довѣрія человѣческому разуму; никакого мѣста—свободному критическому изслѣдованію. Ученіе Ѳомы Аквината, прозваннаго ангельскимъ учителемъ (doctor angelicus), и было признано папами оффиціальной, такъ сказать, канонизованной системой римско-католической церкви для всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. И папы, при всѣхъ превратностяхъ ихъ дальнѣйшей политической судьбы, остались вѣрны этому ангельскому учителю. Божественный учитель Ѳома Аквинатъ, не только не забытъ, но и папами нашихъ дней— Львомъ XIII и нынѣшнимъ папою Піемъ X, — продолжающими жить мечтами среднихъ вѣковъ, навязывается современному культурному обществу, какъ единственный и исключительный авторитетъ въ религіозныхъ вопросахъ.

Вотъ здѣсь-то и лежитъ причина религіознаго кризиса, вызваннаго на Западѣ Европы модернизмомъ. Модернизмъ есть сознательный и бурный протестъ противъ всего того, что проповѣдуетъ средневѣковая схоластика и съ чѣмъ не хочетъ разстаться современное папство.

Что же именно проповѣдывала схоластика и что вмѣсто этого выдвигаетъ новое религіозное движеніе — модернизмъ?

1) Раціоналистическій догматизмъ и сухой, бездушный формализмъ— вотъ къ чему сводится оффиціальная схоластическая теологія. Желая представить религію въ видѣ силлогизма, дать ученію церкви точность науки, основанной на незыблемыхъ законахъ человѣческаго мышленія, крайніе представители схоластики впадаютъ въ жестокую исключительность. Истина одна, говорятъ они; слѣдовательно,—все, что не истина, есть ложь-гадкая и отвратительная. Хранительница истины—церковь, а потому кто стоитъ за ея оградой, тотъ врагъ Бога, слуга сатаны. Папа—глава церкви, намѣстникъ Бога на землѣ. Отсюда—папскій авторитетъ, какъ рѣшающій моментъ въ вопросахъ религіозныхъ; отсюда—рабское, пассивное повиновеніе папѣ, какъ высшая добродѣтель. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и нынѣшній папа Пій X. „Слушаться папы и не возбуждать вопросовъ“—сущность католицизма и теперь! Въ римской церкви и теперь только одинъ высшій судья для рѣшенія

всякаго рода вопросовъ—научныхъ, политическихъ и соціальныхъ, именно—папа. А такъ какъ рѣшенія его представляютъ непосредственное выраженіе духа и воли Божіей—„авторитетъ Св. Духа, говоритъ Пій X, непосредственно дѣйствуетъ на духъ первосвященника“,—то не только неподчиненіе, но и самое робкое возраженіе противъ рѣшеній и предписаній папы, изъ какихъ бы побужденій оно не исходило—во имя ли научныхъ изысканій или во имя соціальныхъ требованій—все равно, это, по мнѣнію Пія X, діавольская гордость или развращенность ума и сердца.

Модернизмъ—діаметральная противоположность всему этому. Въ противоположность отталкивающему холоду схоластическаго формализма и разсудочности, модернизмъ переноситъ центръ тяжести къ внутреннему опыту человѣческой души, ищущей Бога и вмѣсто Бога какъ отдаленнаго, умозрительно постигаемаго монарха, проповѣдуетъ Бога, котораго человѣкъ, живущій по—Божьи, находитъ въ глубинѣ своей души. Богъ, по ученію модернистовъ, не можетъ быть объектомъ человѣческаго знанія; отсюда *агностицизмъ*, какъ основа религіозной философіи модернизма.[1]) Не научное убѣжденіе, не опытъ разума, а внутреннее чувство, непосредственная интуиція абсолютнаго существа, внутренній опытъ человѣческой души или тотъ „таинственный“ божественный огонекъ, который, по ученію Климента Александрійскаго (Строматы), заложенъ въ душѣ каждаго человѣка—вотъ гдѣ источникъ религіи.[2]) *Богъ имманентенъ человѣку—Deus est immanens in homine!*—восклицаютъ модернисты.[3]) „Генезисъ религіи, говоритъ Луази, очень простъ. Человѣкъ, возвышаясь надъ самимъ собою, слушаетъ голосъ, который говоритъ въ его душѣ и который свидѣтельствуетъ ему о томъ, что онъ долженъ быть въ союзѣ съ Богомъ. Вотъ возникновеніе религіи“. Этотъ голосъ Бога въ душѣ человѣка, по мнѣнію модернистовъ, и есть то, что мы называемъ откровеніемъ. Внутреннія религіозныя переживанія, въ началѣ смутныя и неопредѣленныя, уясняются и перерабатываются разумомъ и облекаются въ отвлеченныя формулы. Это и есть то, что мы называемъ догматами. Характеризуя модернизмъ съ этой стороны, папа говоритъ въ своей

[1]) Arch v fur KR s 101; ср. Zeitschrift fur KR s 97—98

[2]) Archiv... 107, ср 102 Hic tamen agnosticismus. до конца; 129 и др. Zeitschrift... 104, 98—100, 125 и др

[3]) Archiv.. s. 112, Zeitschrift. s. 109

энцикликѣ: „въ этомъ чувствѣ (религіозномъ).... Богъ открываетъ себя человѣку, но настолько неясно и неопредѣленно (confuse ac permixte), что самимъ вѣрующимъ субъектомъ съ трудомъ (vix) или слишкомъ слабо (minime) различается. Поэтому необходимо данное чувство освѣтить какимъ-нибудь свѣтомъ, такъ чтобы Богъ въ немъ ясно обнаруживался и выдѣлялся. Это, конечно, свойственно разуму, дѣло котораго размышлять и производить анализъ... Отсюда обычное выраженіе модернистовъ: религіозный человѣкъ долженъ мыслить свою вѣру. Такимъ образомъ, разумъ (mens), приходя на помощь (религіозному) чувству, проникаетъ въ него (in eumdem se inflectit) и дѣйствуетъ въ немъ подобно художнику, который освѣжаетъ (collustrat) истасканный набросокъ (diagraphen) какой-нибудь картины, чтобы онъ сталъ рельефнѣе: такъ объясняетъ это одинъ учитель модернистовъ. Въ этомъ дѣлѣ разумъ (mens) работаетъ двояко: вопервыхъ, естественно и непринужденно (spontaneo), представляя дѣло въ самой простой, обычной формулѣ (sententia simplici ac vulgari) и вовторыхъ, рефлективно и болѣе проникновенно (penitius) или, какъ модернисты выражаются, обработывая мысль (cogitationem elaborando), воплощая мысли во вторичныя формулы (secundariis sententiis), хотя и произведенныя отъ той первичной простой формулы, но болѣе глубокія и точныя. Эти вторичныя формулы, если онѣ санкціонированы верховнымъ учительствомъ церкви, и составляютъ догматы. [1])

Такимъ образомъ, въ противоположность схоластической религіозной системѣ—формальной, разсудочной, построенной на силлогизмѣ,— модернисты хотятъ дать систему, построенную методомъ субъективно-психологическимъ.

Далѣе, въ противоположность пассивному подчиненію папскому авторитету, модернисты выдвигаютъ начало индивидуальной совѣсти. Не голосъ папы, а болѣе властный голосъ совѣсти долженъ быть рѣшающимъ моментомъ въ вопросахъ религіи. „Совѣсть прежде всего, а потомъ папа“—говорятъ модернисты. „Совѣсть—вотъ вѣчный намѣстникъ Христа; она—пророкъ, открывающій намъ истину; она царь, объявляющій намъ свое велѣніе; она—священникъ, бросающій въ насъ анаѳему или благословляющій насъ“...

2) Вторая характеристическая черта схоластической теологіи, а вмѣстѣ и современнаго католицизма, какъ естественное логическое слѣд-

[1]) Archiv.. s 105 ср 113; Zeitschrift. s. 102 ср. 110.

ствіе мертвящаго формализма и догматизма— это законченность, неподвижность, окаменѣлость схоластической системы, какъ бы обратившейся въ „музей мертвыхъ вещей“. Въ противоположность этому модернисты выставляютъ принципъ жизненной эволюціи. Руководясь этимъ принципомъ, они говорятъ, что религія основывается не на отвлеченныхъ формулахъ, какъ неподвижныхъ и вѣчныхъ истинахъ, а на живомъ единеніи церкви со Христомъ. Іисусъ Христосъ, по ученію модернистовъ, не устанавливалъ никакихъ догматовъ. Не проповѣдь какого-нибудь теоретическаго ученія, а только усиленіе и углубленіе религіознаго чувства, подъемъ религіознаго настроенія—было единственною цѣлію земного служенія Христа. Евангеліе Христа было только зерномъ, изъ котораго путемъ естественной эволюціи развился цѣлый рядъ христіанскихъ догматовъ.

Такимъ образомъ, христіанская догматика, по ученію модернистовъ, находилась и должна находиться въ процессѣ непрерывной эволюціи, сообразно съ мѣняющимися соціальными условіями и различными направленіями человѣческаго духа, и этотъ процессъ закончится только вмѣстѣ съ эволюціей человѣчества. „Христіанство—по словамъ модернистовъ—находится въ состояніи постояннаго образованія, разрывающаго старыя формы, чтобы вѣчно создавать новыя; оно—въ вѣчномъ движеніи творчества, подобно какому-то божественному художнику, который безъ устали и вѣчно неудовлетворенный, старается выразить въ мягкой глинѣ свой невыразимый идеалъ“. Но при этомъ необходимо отличать, говоритъ одинъ изъ вождей модернизма, „внѣшнюю оболочку догмата отъ того, что составляетъ его жизненное ядро, его глубокую и чистую сущность... Этимъ обезпечивается духовная вѣчность догмата, ибо закону развитія подлежитъ оболочка, но имъ не затрогивается его духовный центръ“. [1])

---

[1]) Эволюціонизмъ, какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ религіозно-философской системы модернизма, папская энциклика „Pascendi“ изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ: такъ какъ догматы суть вторичныя формулы, приспособленныя къ религіозному чувству вѣрующаго и такъ какъ Богъ, какъ существо абсолютное, являющееся объектомъ религіознаго чувства, имѣетъ безконечное количество сторонъ, съ которыхъ оно можетъ открывать себя человѣку, а человѣкъ находится подъ вліяніемъ постоянно измѣняющихся жизненныхъ условій, то и самыя догматическія формулы подлежатъ измѣненію. Этимъ подготовляется путь къ внутренней эволюціи догматовъ: ita vero ad intimam *evolutionem* dogmatis expeditum est iter, (Archiv . . . s 106; Zeitschrift . . . s. 103). Общій принципъ модернизма, говоритъ папа въ

3) Грубый позитивизмъ, приведшій католическое богословіе къ грубочувственному представленію о Богѣ, о душѣ, о загробной жизни и т. д. Отсюда—обиліе суевѣрнаго и легендарнаго элемента въ схоластическихъ богословскихъ системахъ. Умъ средневѣковаго схоластика изощряется надъ рѣшеніемъ напр. такихъ вопросовъ: гдѣ находился Богъ до сотворенія міра; гдѣ адъ и рай, гдѣ чистилище; почему Ева была сотворена изъ ребра Адамова, а не изъ какой либо другой части его тѣла; какъ размножались бы люди, если бы не произошло грѣхопаденія и т. д. Всѣ эти вопросы интересуютъ и теперь католическихъ богослововъ, воспитанныхъ на Ѳомѣ Аквинатѣ. Профессоръ богословія королевской Академіи въ Мюнстерѣ Joseph Bautz въ своемъ сочиненіи „Die Hölle“ (2 изд. 1905 г. Mainz) разсказываетъ, что адъ устроенъ въ центрѣ земли съ огромной раскаленной печью, трубы которой въ формѣ вулкановъ выходятъ на поверхность земли. Другой богословъ—Franz Schouppe—въ своемъ сочиненіи „Die Lehre vom Fegfeuer, beleuchtet durch Tatsachen und Privatoffenbarungen“ (въ перев. Pletl'я. Brixen. 1889) вычисляетъ, сколько времени душа обыкновеннаго христіанина должна горѣть въ чистилищномъ огнѣ. Допустимъ, говоритъ онъ, по среднему масштабу, по 10 грѣховъ на каждый день, что составитъ въ теченіе года 3600 или, округляя цифру, 3000 грѣховъ, въ 10 лѣтъ—30.000, а въ 20—60 000 грѣховъ. Предположимъ далѣе, что въ теченіе жизни половина этихъ грѣховъ будетъ заглажена молитвой и добрыми дѣлами; все-же еще останется 30.000 грѣховъ. И вотъ, кто-нибудь по прошествіи 20 лѣтъ добро-

---

другомъ мѣстѣ, таковъ. въ живой религіи, каково христіанство, всѣ живетъ, измѣняется и должно измѣняться. Отсюда модернисты переходятъ къ тому, что составляетъ краеугольный камень ихъ системы—къ эволюціонизму. Они учатъ, что догматы, церковь, священный культъ, священныя книги и самая вѣра—все должно подлежать законамъ эволюціи. Сущность эволюціи въ области вѣры, по изображенію модернистовъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Первичная форма вѣры, говорятъ они, груба (rudis) и обща всѣмъ христіанамъ, такъ какъ она происходитъ изъ самой природы и жизни людей; жизненная эволюція сообщаетъ ей дальнѣйшее развитіе; это развитіе, этотъ прогрессъ, конечно, не въ новизнѣ внѣшнихъ случайныхъ формъ, а въ постепенно возрастающемъ превращеніи религіознаго чувства въ сознаніе (ex perversione in dies auctione sensus religiosi in conscientiam). Самый прогрессъ совершается двояко: вопервыхъ, отрицательнымъ путемъ—путемъ исключенія внѣшняго элемента, семейнаго или родоваго, и во вторыхъ, положительнымъ путемъ—путемъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія человѣка, благодаря чему и понятіе о божественномъ становится шире и яснѣе, и религіозное чувство—утонченнѣе. Archiv . . . s. 118—119; Zeitschrift . . . 115;

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

дѣтельной жизни умретъ и съ 30-ю тысячами грѣховъ предстанетъ предъ Богомъ, сколько потребуется времени для ихъ очищенія. Если допустить, на основаніи откровеній святыхъ, что за каждый грѣхъ надо пробыть въ чистилищѣ одинъ часъ, то за 30.000 грѣховъ, стало быть, 3 года 3 мѣсяца и 15 дней... И все это, по замѣчанію Вармунда, разсказывается не для маленькихъ дѣтей въ катехизисѣ, а для взрослыхъ—въ научной литературѣ!

Или что, кромѣ улыбки, могутъ вызвать разсказы схоластическихъ учебниковъ о такихъ якобы чудесныхъ реликвіяхъ, признаваемыхъ католическою церковію, какъ веревки, на которыхъ удавился Іуда, или хвостъ осла, на которомъ Христосъ совершилъ свой торжественный входъ въ Іерусалимъ и т. п.!

Въ противоположность этому грубому позитивизму, этому дикому суевѣрію, модернисты выдвигаютъ историческій критицизмъ и допускаютъ широкую свободу критическаго изслѣдованія священнаго текста. На книги Свящ. Писанія модернисты смотрятъ, какъ на обыкновенное человѣческое произведеніе, людьми и для людей составленное (humanum opus ab hominibus pro hominibus exaratum) и допускаютъ возможность примѣненія къ нимъ всѣхъ обычныхъ пріемовъ научно-исторической критики. Боговдохновенность священныхъ книгъ они понимаютъ по аналогіи съ поэтическимъ вдохновеніемъ (simile quid habemus in poetica inspiratione[1]). Руководясь принципомъ историческаго критицизма, они настаиваютъ на критическомъ пересмотрѣ всей схоластической богословской системы. „Христіанское богословіе представляется имъ запущеннымъ вѣками садомъ, въ которомъ между деревьями и цвѣтами расплодились вредныя травы и колючій репейникъ, заглушающіе полезныя растенія. Слѣдуетъ поэтому вновь вскопать землю, вырвать съ корнемъ сорныя травы, чтобы выступила красота немногихъ цвѣтовъ посаженныхъ Божественнымъ Садовникомъ“.

Въ этой работѣ модернисты приходятъ къ самымъ разрушительнымъ результатамъ для христіанской догматики, особенно въ вопросахъ христологическихъ, напр. въ ученіи о необходимости различать Христа исторіи и Христа вѣры[2]). По мнѣнію папской энциклики во всей ка-

---

[1]) Archiv.. s. 115 ср. 127—128, Zeitschrift. 111—112. ср 124—125

[2]) Archiv.. s 123: Zeitschrift .. s 120

толической системѣ не остается ничего, что бы не было затронуто модернистами[1]).

4) Но самое главное зло современнаго католицизма, имѣющее свой источникъ въ той же схоластикѣ, модернисты усматриваютъ въ централизаціи власти въ однѣхъ рукахъ римской куріи, которая даже въ своихъ ошибкахъ считаетъ себя Божіей провозвѣстницей, и въ устраненіи низшаго клира и мірянъ отъ всего, что касается внутренней и внѣшней жизни церкви. Въ лонѣ католической церкви возникли двѣ касты: каста господствующихъ, которая проповѣдуетъ пассивныя добродѣтели и каста подвластныхъ, коимъ не разрѣшается подавать свой голосъ; ихъ удѣлъ—безусловная покорность авторитету римской куріи. Опредѣленіемъ папской непогрѣшимости этотъ дуализмъ въ структурѣ церковнаго общества доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ. Католическая церковь потеряла привычку жить съ народомъ, опираться на него, брать изъ народныхъ массъ элементы своей силы и жизнеспособности—какъ это было въ первые вѣка папской исторіи. Вторгаясь въ политику, церковь становится не на сторону страждущихъ и обремененныхъ, какъ бы это слѣдовало по завѣтамъ Христа, а на сторону высшихъ привиллегированныхъ классовъ. И потому народныя массы, естественно, увидѣли въ ней силу, противящуюся ихъ стремленіямъ къ соціальному благосостоянію.

Противъ этой централизаціи власти, противъ смѣшенія религіи съ политикой, противъ служенія церкви чуждымъ народу идеаламъ и возстаютъ модернисты. Они требуютъ измѣнить самое понятіе о церкви, заровнять пропасть между властвующими и подвластными такъ, чтобы церковь снова стала, какъ во времена Евангельскія, братскимъ обществомъ, основаннымъ на любви.

Они настаиваютъ на реформѣ церкви на демократическихъ началахъ: на сближеніи ея съ народомъ, на предоставленіи мірянамъ широкаго участія въ церковныхъ дѣлахъ, на изгнаніи изъ религіозной сферы всякой политики. „Католическая церковь, говорятъ они въ своей программѣ, должна оставить всякую политическую дѣятельность, заключиться въ сферу своей духовной компетенціи, ограничиться своимъ

[1]) Quid igitur in Ecclesia intactum relinquunt, quod non ab ipsis nec secundum ipsorum pronunciata sit reformandum?—спрашиваетъ папа, сдѣлавъ обзоръ ученія модернистовъ (Archiv. 130; Zeitschrift .. 127) Въ виду этого папа называетъ модернизмъ „собраніемъ всѣхъ ересей“ (omnium haeresium conlectum esse -ib. 131 и 127)

призваніемъ руководительницы людей по пути религіознаго духа. Мы не хотимъ болѣе видѣть церковь превратившеюся въ бюрократію, въ классѣ бездѣйствующихъ, которые, посвятивъ себя священству, т. е. апостольской жизни, достигнувъ высшихъ степеней іерархіи, пребываютъ въ самой позорной праздности; въ безплодную силу, направленную на замедленіе соціальнаго прогресса. Необходимо полное отдѣленіе церкви отъ политической дѣятельности и возвращеніе ея къ служенію страждущимъ и обремененнымъ—тогда народныя массы почувствуютъ тоску по церкви и вернутся къ ней[1])....

Вотъ, мм. гг., наиболѣе яркія, выпуклыя черты религіознаго модернизма, захватившаго всѣ классы западно-европейскаго общества сверху до низу. И такъ, что же такое модернизмъ и каковы его задачи?— Суммируя все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что модернизмъ есть протестъ человѣческой души, протестъ религіозной совѣсти противъ средневѣковаго, но и доселѣ господствующаго, мертвящаго формализма и догматизма; противъ монархическаго абсолютизма папы, поглотившаго индивидуальную религіозную жизнь; противъ посягательства на права человѣческаго разума; противъ всѣхъ вообще настроеній въ устройствѣ и управленіи католической церкви. Модернисты хотятъ: a) смягчить доктринальную неподвижность католицизма, b) допустить умѣренную эволюцію христіанскаго догмата, c) лишить папу роли „непогрѣшимаго“ учителя церкви, d) раскрѣпостить индивидуальную совѣсть и e) ввести радикальныя измѣненія во внѣшній строй католической церкви на демократическихъ началахъ. „Мы стремимся, говорятъ модернисты, не къ расколу и ереси, но къ духовной секуляризаціи, къ той религіи духа, въ которой сосредоточивается и очищается религіозный опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, въ которой примиряются безъ компромиссовъ требованія разума съ требованіями совѣсти“....

Какъ отнесся къ этому движенію Пій X? Уже при самомъ вступленіи на папскій престолъ Пій X видѣлъ и понималъ грозное значеніе момента, наступившаго въ религіозной жизни Западной Европы. Онъ видѣлъ, какъ постепенно заливаетъ Европу гибельный атеизмъ, крайнимъ выраженіемъ котораго была философія Ницше, детронировавшая Бога и на Его престолъ поставившая сверхчеловѣка, übermensch'a.

[1]) См. энциклику Archiv.. 129—130; Zeitschrift . 126—127

Папа не могъ молчать. Онъ выступилъ, но выступилъ сначала въ духѣ всепрощающей любви, кротко призывая „къ возстановленію всего во Христѣ“. Въ этомъ уже давно начавшемся антирелигіозномъ движеніи папа имѣлъ дѣло съ людьми или не принадлежащими къ католической церкви или отдѣлившимися отъ нея и, стало быть, стоящими внѣ его власти, на которыхъ можно было дѣйствовать только мѣрами увѣщанія и кротости. Но когда въ нѣдрахъ самой католической церкви могучимъ потокомъ стало разливаться новое движеніе и притомъ по существу не антирелигіозное, и даже не антицерковное, а только, если можно такъ выразиться, антипапское, когда послѣдователями этого движенія явились не схизматики только, а главнымъ образомъ члены католической же церкви, дѣти самого папы—отца, когда опасность явилась, по выраженію энциклики „въ самыхъ жилахъ и внутренностяхъ церкви“, когда онъ увидѣлъ, что „сѣкира кладется не къ вѣтвямъ и отросткамъ, а къ самому корню, къ самымъ глубочайшимъ фибрамъ“—тогда онъ круто измѣнилъ свою политику. И началась борьба.

Какія же мѣры борьбы предпринимаетъ папа? Кромѣ угрозъ и проклятій, въ своей энциклике „Pascendi“ папа выдвинулъ противъ модернистовъ весь арсеналъ уже испытанныхъ прежде репрессивныхъ мѣръ, именно: 1) зараженныхъ модернизмомъ папа требуетъ „безъ всякаго снисхожденія и безъ всякихъ исключеній не назначать на должность начальника или профессора“, а если они уже занимаютъ такія должности немедленно отрѣшить (Archiv .. 138—139; Zeitschrift... 135); 2) не давать степени доктора богословія или каноническаго права тѣмъ, кои не прослушали установленнаго курса схоластической философіи, а если она уже дана, объявить ее лишенной силы (ibidem); 3) запретить клирикамъ слушать лекціи въ правительственныхъ университетахъ (Archiv.. 139; Zeitschrift .. 136); 4) Запретить печатаніе, продажу и чтеніе книгъ съ модернистическимъ содержаніемъ Archiv... 139—141; Zeitschrift 136—137; 5) усилить предварительную цензуру: только тѣ рукописи и книги могутъ быть изданы и пущены въ обращеніе, на которыхъ стоитъ отмѣтка цензора—„nihil obstat“ и разрѣшеніе епископа—„imprimatur“ (Archiv .. 141—142; Zeitschrift... 138); 6) запретить конгрессы и публичныя собранія духовенства; только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ епископъ можетъ разрѣ-

шать такія собранія и то подъ тѣмъ условіемъ, чтобы на нихъ не было разсужденій по вопросамъ, касающимся епископовъ или апостольской каѳедры, не вносилось предложеній и требованій, враждебныхъ церковной власти, не произносилось рѣчей, сочувствующихъ модернизму, пресвитеріанству или лаицизму. (Archiv... 142—143; Zeitschrift... 139). 7) учредить въ каждой епархіи такъ называемый совѣтъ бодрствованія" „Consilium vigilantiae" для наблюденія за направленіемъ и настроеніемъ духовенства, а также для наблюденія за соціальными учрежденіями и за сочиненіями, трактующими о соціальныхъ вопросахъ,—не содержится ли въ нихъ чего-нибудь модернистическаго и отвѣчаютъ ли они предписаніямъ римскихъ первосвященниковъ. (Archiv... 143—145; Zeitschrift... 139—141). 8) запретить трактовать въ печати о мѣстныхъ благочестивыхъ преданіяхъ и священныхъ реликвіяхъ (ibidem); 9) предписать епископу каждаго діэцеза и генераламъ религіозныхъ орденовъ—по истеченіи года со времени изданія энциклики „Pascendi" а потомъ черезъ каждые три года представлять апостольскому престолу тщательно составленный и клятвенно засвидѣтельствованный отчетъ (diligenti ac jurata enarratione) объ исполненіи всѣхъ предписаній, содержащихся въ данной энцикликѣ, а равно о всѣхъ доктринахъ, развивающихся среди клира, особенно въ семинаріяхъ и другихъ католическихъ институтахъ (Archiv... 145; Zeitschrift... 141) и т. д.

Кромѣ этихъ мѣръ, хорошо извѣстныхъ уже со временъ инквизиціи, папа предпринялъ и нѣкоторыя новыя мѣры: а) учрежденіе „конвентовъ"—студенческихъ общежитій для самой строгой цензуры мыслей питомцевъ ихъ; это своего рода теплицы, изъ которыхъ по плану папы, должны выходить слѣпыя орудія римской куріи; в) запрещеніе студентамъ посѣщать семинары, якобы развращающіе ихъ и лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, напр. Брентано, Липпса, Шнитцера и пр. с) запрещеніе нѣкоторымъ профессорамъ богословія читать лекціи, напр. Шрёру въ Боннѣ, Гюнтеру въ Тюбингенѣ, Луази въ Парижѣ и др. По поводу столь грубаго посягательства папы на университетскую автономію собраніе профессоровъ въ Вѣнѣ внесло въ рейхстагъ предложеніе о независимой постановкѣ богословскихъ факультетовъ въ университетахъ или о полномъ устраненіи ихъ изъ государственныхъ университетовъ. Наконецъ—д) слѣдуетъ остановиться на реформѣ католическихъ

семинарій, какъ на такой мѣрѣ, на которую Пій X больше всего разсчитываетъ въ борьбѣ съ модернизмомъ. Вопросъ о реформѣ семинарій поднятъ былъ еще при Львѣ XIII. И уже тогда рѣзко обозначились два направленія: реакціонное и прогрессивное. Представители перваго хотѣли держать семинаристовъ вдали отъ общества, какъ бы въ монастырскомъ затворѣ, при прежнихъ освященныхъ Тридентскимъ соборомъ наукахъ и методахъ преподаванія. Представители второго, наоборотъ, настаивали на необходимости вывести ихъ изъ затхлой атмосферы средневѣковья на свѣжій воздухъ—въ виду измѣнившихся условій времени, привести ихъ въ ближайшее соприкосновеніе съ обществомъ. Старые, средневѣковые пріемы воспитанія и образованія, говорили они, даютъ въ результатѣ существо нейтральное, безвредное, но не апостола; не созидателя, не источникъ жизни, въ которомъ нуждается общество. Они указывали далѣе на то, что неподвижность подтачиваетъ организмы даже самые богатые жизненной энергіей и что, стало быть, не слѣдуетъ игнорировать современную науку; напротивъ, необходимо проникнуть въ ея траншеи, изучить ея методы, вооружиться ея оружіемъ, чтобы бороться противъ нея. Какъ можетъ священникъ, воспитанный въ затворѣ, управлять сердцами своихъ братьевъ, если его сердце не имѣло жизненнаго опыта и, какъ спокойное озеро, не знаетъ еще тѣхъ бурь, которыя разыгрываются въ океанѣ... Другія задачи, чѣмъ прежде, ставитъ священнику современный міръ. Зачѣмъ, говорятъ они, закрывать глаза на дѣйствительность; зачѣмъ закрывать глаза на успѣхи соціализма. Какъ и чѣмъ священникъ будетъ бороться съ нимъ? Ужели только обрядами, священными пѣснопѣніями, стереотипными поученіями, картинами небеснаго блаженства? Необходимо чтобы священникъ нашелъ въ себѣ и умѣнье, и силы создать такія учрежденія, которыя показывали бы на дѣлѣ, что христіанство способно лечить и общественные недуги, и рѣшать вопросы, касающіеся матеріальнаго благосостоянія обездоленной братіи...

Какъ ни вѣски были эти соображенія, высказывавшіяся и при Піѣ X, они не убѣдили его въ необходимости реформировать католическія семинаріи примѣнительно къ запросамъ и потребностямъ даннаго времени. Правда, и Левъ XIII не хотѣлъ разстаться со схоластикой. И онъ въ энцикликѣ „Aeterni patris“ отъ 4 Августа 1879 г. взывалъ о необходимости открыть воспитанникамъ семинарій „обиліе чистѣйшихъ

водъ премудрости истекающихъ изъ вѣчныхъ жилъ ангельскаго учителя Ѳомы Аквината". Но въ то же время онъ считалъ для нихъ необходимымъ и изученіе наукъ философскихъ, естественныхъ и историческихъ, какъ видно изъ его посланій къ итальянскимъ епископамъ— 15 Февраля 1882 г. и къ епископамъ Бразиліи отъ 21 іюля 1894 г., а равно и изъ энцикликъ отъ 7 и 18 Сентября 1899 г. Пій X не пошелъ по стопамъ своего мудраго предшественника. Въ посланіи къ римской Академіи Ѳомы Аквината отъ 23 Января 1904 г. онъ одобряетъ направленіе Льва XIII лишь постольку, поскольку оно стоитъ за сохраненіе схоластики и въ особенности Ѳомы Аквината и называетъ схоластику единственнымъ средствомъ для побѣды надъ модернизмомъ. То же самое повторяетъ папа и въ энцикликѣ „Pascendi". (Archiv... 137—138; Zeitschrift .. 133—135). Оно глубоко вѣритъ, что католическія семинаріи, наглухо закупоренныя отъ притока свѣжаго воздуха, будутъ воспитывать священниковъ, покорныхъ папскому престолу..

Вотъ мѣры Пія X противъ модернистовъ. И эти мѣры не остались только на бумагѣ: вѣрнымъ папѣ клиромъ онѣ проводятся въ жизнь— имѣются уже и нѣкоторыя жертвы папскихъ репрессій. Достаточно вспомнить преслѣдованія, воздвигнутыя противъ нѣкоторыхъ представителей модернизма, наприм. Луази, Тирреля, Вармунда и др., и въ особенности трагическую смерть Вюрцбургскаго профессора апологетика Шелля (отъ разрыва сердца 31 мая 1906 г.—еще до энциклики „Pascendi"), явившуюся результатомъ систематическаго гоненія римской куріи за его богословскія сочиненія... Спрашивается, какъ отнеслись сами модернисты къ этимъ мѣрамъ папы? Какое впечатлѣніе онѣ произвели на нихъ? Почти никакого. Немногіе замолчали; закрылось нѣсколько журналовъ съ такимъ направленіемъ во Франціи и Италіи. Но подавляющее большинство не свернуло съ избраннаго пути. Мало этого; нашлись смѣлые, сильные духомъ сторонники этого движенія, которые не только не испугались папскаго гнѣва, но даже вступили съ нимъ въ жестокую полемику, стараясь доказать – но безъ желчи, безъ раздраженія, безъ бранныхъ словъ, которыми такъ и пестритъ папская энциклика,—что модернизмъ не синтезъ всѣхъ ересей, а католицизмъ будущаго Отвѣтъ ихъ на папскую энциклику извѣстенъ подъ именемъ „программы модернистовъ"[1]).

[1]) Il Programma dei Modernisti; Risposta all'Enciclica di Pio X „Pascendi dominici gregis" Roma. 1908

Неизвѣстные составители ея подвергли папскую энциклику безпощадной критикѣ, доказавъ неточность изложенія папою теоріи модернизма и цѣлый рядъ допущенныхъ папою ложныхъ богословскихъ положеній. Относительно дисциплинарной части энциклики они говорятъ: „Не смотря на то, что мы расположены со спокойствіемъ принять слова первосвященника, мы никакъ не можемъ видѣть въ этихъ дисциплинарныхъ мѣрахъ кроткій и спокойный духъ, который долженъ бы быть въ сердцѣ того, у кого на устахъ имя Христа. Такія дисциплинарныя мѣры представляютъ максимумъ строгости и суровости, которыхъ новые уже нетиранническіе нравы XX вѣка не могутъ болѣе терпѣть... Эти мѣры противны основнымъ принципамъ кононическаго права, потворствуютъ доносамъ, роняютъ авторитетъ ревизоровъ, возобновляютъ самыя нестерпимыя злоупотребленія среднихъ вѣковъ, оскверняютъ католическую печать,—словомъ, не свидѣтельствуютъ о благородствѣ души тѣхъ, кто ихъ принималъ“...

Въ такомъ же духѣ высказались и отдѣльные вожди модернизма въ различныхъ государствахъ Европы: въ Италіи—Мурри и Петрони, во Франціи—Луази, въ Англіи—Тиррель и др. Приведемъ отзывъ Тирреля. Въ двухъ письмахъ по поводу энциклики онъ говоритъ: „Чтобы побороть модернизмъ Пій X вооружается камнемъ и скорпіономъ и его методы борьбы вызовутъ и усилятъ антипатію образованныхъ классовъ къ церкви. Энциклика окончательно подрываетъ довѣріе къ церкви, ибо она отвергаетъ то, что современная мысль считаетъ своимъ лучезарнымъ завоеваніемъ... Модернизмъ пріобрѣлъ въ ней то, чего желалъ—именно, ясное доказательство безплодности вливать новое вино въ старые мѣха и попытки заключать опыты XX-го вѣка въ категоріи XIII-го. Если весь механизмъ принудительныхъ мѣръ будетъ примѣненъ, то и тогда модернизмъ только на время будетъ загнанъ въ катакомбы, чтобы тамъ окрѣпнуть и вырваться оттуда съ новой силой“. Рѣзче и рѣшительнѣе отзывъ Луази. „Святѣйшій отецъ, если священники модернисты, дѣйствительно, худшіе враги церкви, если они упорствуютъ въ заблужденіи и продолжаютъ распространять его, то не на низшія мѣста ихъ нужно сажать, а выгнать вонъ изъ церкви. Но если Ваше Святѣйшество имѣетъ право отлучать, то не имѣетъ права оскорблять ихъ. Если бы пишущій былъ тѣмъ гордецомъ, о которомъ Вы говорите, то онъ не остался

бы въ церкви, чтобъ претерпѣвать униженія въ теченіе 15 лѣтъ... Можетъ быть, между нами нашелся бы не одинъ, который могъ бы отвѣтить Вамъ: мы отказались отъ всего, исключая своей совѣсти. Если Вамъ угодно поразить насъ, не примѣшивайте оскорбленій къ нашей винѣ"...

На чьей сторонѣ побѣда—вопросъ будущаго.... Но нельзя не удивляться моральной силѣ модернистовъ, непоколебимой стойкости ихъ убѣжденій[1]). Какъ глубоки и искренни убѣжденія модернистовъ въ правотѣ и святости своего дѣла, лучше всего показываетъ судьба Тирреля, этого вдохновеннѣйшаго апостола модернизма. Ни изгнаніе изъ ордена, ни папское отлученіе и проклятіе не сломило въ немъ нравственной силы, не поколебало его убѣжденій.

Передъ смертію онъ черезъ своего друга заявилъ, что желалъ бы пригласить священника и принять отъ него таинства, но отнюдь не цѣною отреченія отъ того, что онъ говорилъ или писалъ съ полною искренностію и что до сихъ поръ считаетъ истиною... Отлученный отъ церкви Луази, на требованіе Рима—отречься отъ своихъ сочиненій, отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. И такая стойкость убѣжденій, доходящая до самопожертвованія, характеризуетъ всѣхъ лучшихъ представителей современнаго модернизма.

Мм. гг.! Гроза еще не прошла. Еще слышатся отдаленные раскаты грома.... Скоро-ли пронесутся тучи грозныя, скоро-ли польется отъ святого престола благодатный дождикъ и освѣжитъ своей живительной влагой раскаленную и утомленную борьбой религіозную совѣсть вѣрующаго католика, скоро-ли проглянетъ яркое солнышко, какъ вѣстникъ грядущей весны въ религіозной жизни Запада—сказать не рѣшаемся. Но модернисты глубоко вѣрятъ въ близость этой весны. Вотъ что говоритъ проф. Шнитцеръ въ своей заключительной лекціи по исторіи догматики: „подготовляется неслыханный религіозный переворотъ, религіозная весна наступаетъ въ странѣ; суровыя бури, какъ всегда въ это время, чередуются съ оживляющими лучами солнца... Это—время столкновенія стараго съ новымъ, которое все больше проникаетъ въ жизнь. Ему, а не старому, принадлежитъ будущее"... Да, модернисты

[1]) Самъ папа признаетъ это: „такова ихъ энергія, настолько неутомимъ ихъ трудъ, говоритъ онъ, что становится досадно, что на погибель церкви тратятся такія силы".. (Archiv... 134).

глубоко вѣрятъ, что „новому“, а не старому, принадлежитъ будущее, что человѣчество пойдетъ за ними. „Можетъ-ли человѣчество пойти за вами, взываютъ они къ папѣ и его клевретамъ, когда оно видитъ, что вы пугаетесь всякаго критицизма, что энциклика возложила всѣ свои надежды на ограниченіе научной свободы, на параличъ умственной дѣятельности, на возобновленіе инквизиторскихъ методовъ, которые уже обезчестили церковь... Міръ отошелъ отъ васъ; вы представляете живописную средневѣковую развалину... Модернисты видятъ въ своемъ ученіи религію будущаго. Они вѣрятъ, что модернизмъ станетъ великимъ синтезомъ, въ которомъ со временемъ сольются римскій абсолютизмъ, протестанскій индивидуализмъ и даже путемъ славянофильства— русское православіе, о чемъ съ юношескимъ увлеченіемъ и энтузіазмомъ мечталъ и писалъ англійскій католическій аббатъ Морель въ цѣломъ рядѣ статей, посвященныхъ религіозному вопросу въ Россіи. Модернисты глубоко вѣрятъ, что тогда—въ этомъ великомъ синтезѣ— будетъ возстановлено чистое, лучезарное ученіе Христа,—и тогда они дружнымъ, согласнымъ хоромъ воскликнутъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“!

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Томскъ.
20 Ноября 1910 года.